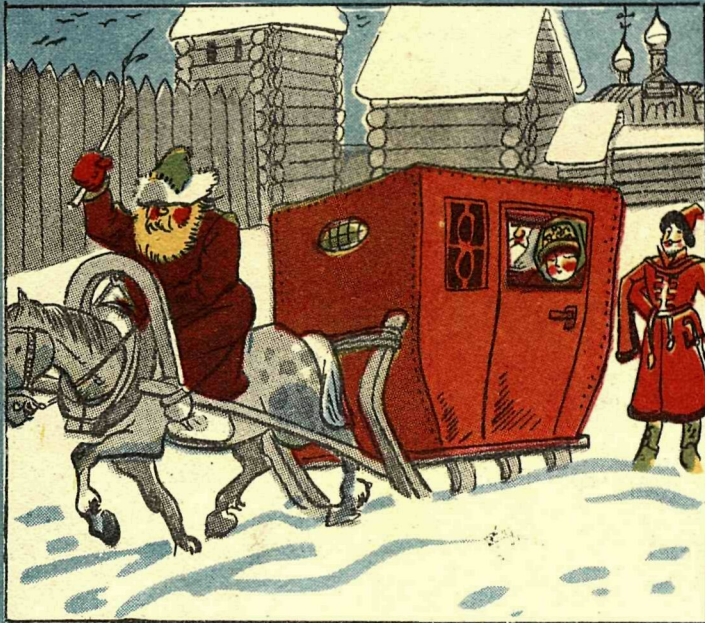

K 556
477

К Р О К О Д И Л

Рис. Бор. ЕФИМОВА

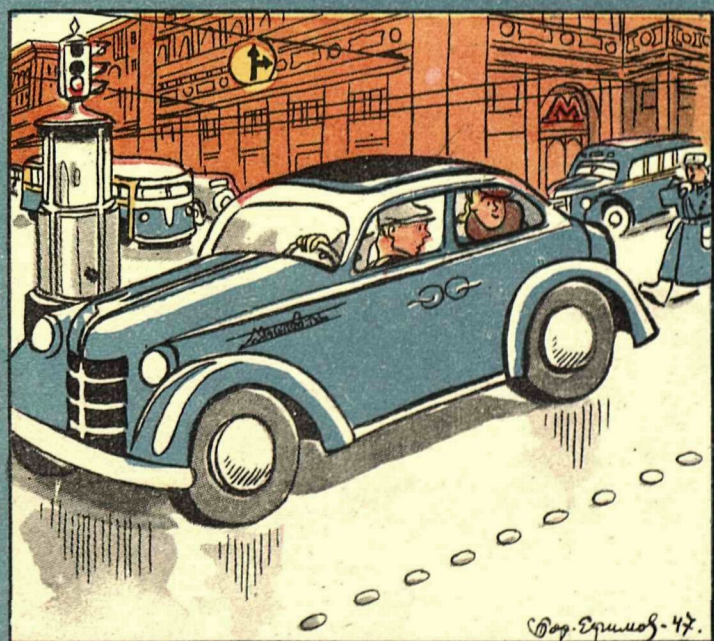
Москвич в колыхаге.

Москвич в карете.

Москвич в пролётке.

Москвич в «Москвиче».

ИСТОРИЯ МОСКОВСКОГО ТРАНСПОРТА

1947

— Нет, Сэм, чёрными играть я не согласен. Чёрные в нашей местности всегда проигрывают...

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ о порче отношений

ДИРЕКТОР одного завода как-то заявил: — Я самокритику не отрицаю. Но, по совести говоря, любить её не за что... Полагаем, что найдётся немало и других лиц, которые охотно подпишутся под этой декларацией.

Вот, к примеру, некий районный деятель. Дела на подведомственной ему территории идут хотя и не из рук вон плохо, но и не ахти как хорошо. Однако, он изволит гневаться, когда ему напоминают об этом. И вообще он терпеть не может, когда нарушают его покой бестактными замечаниями.

Ему повезло: редактор районного органа мягок и податлив, как воск. Это человек, который со всеми ладит. Фельетоны и прочие колючие вещи исчезли из газеты. А ежели порой туда попадает щепотка критики, то... «Иван Иванович (или Пётр Петрович), тут одна замечка о вашем учреждении, я её уже смягчил, но хочется ещё с вами утрясти. Сейчас забегу...»

Но, как сказал поэт: «Брось свои иносказанья и гипотезы пустые, на проклятые вопросы дай ответы нам прямые». Короче говоря: где это происходит? И кто он, этот Иван Иванович или Пётр Петрович?

Мы могли бы назвать зное количество населённых пунктов и фамилий. Но позвольте остановиться пока лишь на одном конкретном факте.

Для сей цели нам придётся заглянуть в Белоруссию, в город Бельниччи. Очутились мы там, предположим, вечернею порою. Идём по тихим заснеженным улицам. Окна домов приветливо мигают огоньками. И лишь один небольшой домишко стоит тёмный и утробный.

Что это — необитаемое строение? Нет, там живут.

Кто же там живёт? Леонид Константинович Высоцкий. Почему же его дом не освещён? А потому не освещён, что Высоцкий попытался осветить в печати то, что

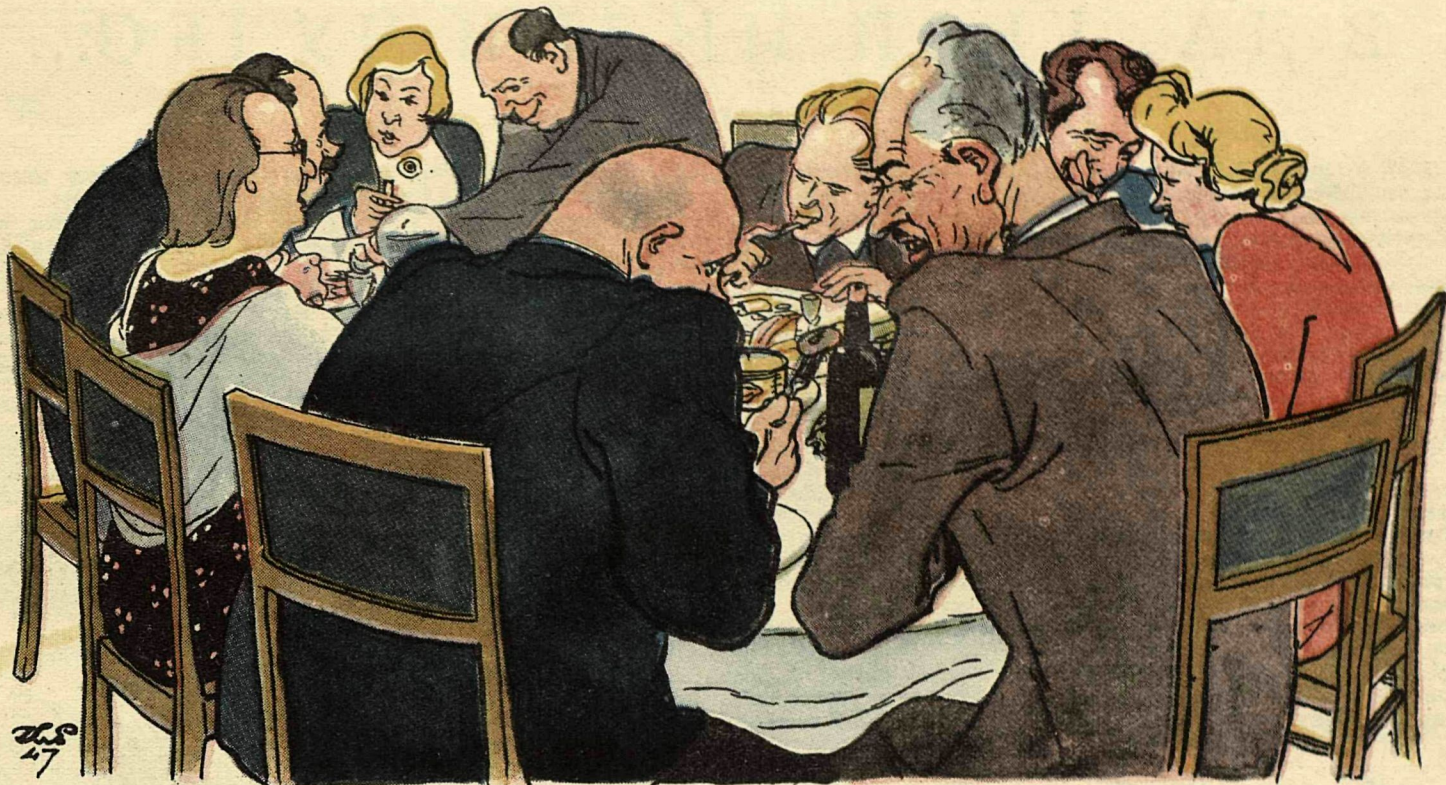
по мнению тов. Руденко должно было быть покрыто мраком неизвестности.

Тов. Руденко, второй секретарь Бельничского райкома партии, долгие дни пребывал в том блаженном состоянии, когда хочется внимать только ласковым словам и созвучьям. Никто его не смеет беспокоить. Районная газета, благо, серенькая — этот цвет вполне устраивает тов. Руденко. Тишина и благодать.

И вдруг чьим-то дерзостным пером покой нарушен. В областной газете, в Могилёве, стали появляться корреспонденции, в коих не соблюдены никакие правила чиновничества: «В Бельниччах нет борьбы за хлеб», «Срывают хлебозаготовки», «Отсутствует борьба с потерями урожая».

— Отсутствует борьба? Ладно, я ему покажу, что умею бороться.

И Руденко, засучив рукава, начал бороться. Нет, не с потерями. А с тов. Высоцким, автором корреспонденций.

— Какие вкусные маринады у вашего судьи.
— Это что! Он дела маринует ещё лучше!

Но, может быть, корреспондент напугал, наврал? О, если бы он наврал! О, если бы можно было уличить «этого писаку» хоть в малейшей неточности!

Нет, всё правда.

Как тут горю пособить? Первым делом надо его хоть на время лишить света. Хотя бы по вечерам не будет писать. Но это мероприятие не дало нужных результатов. Л. Высоцкий не присмирел.

А нельзя ли вовсе избавить Бельнички от Л. Высоцкого, от этого возмутителя районного спокойствия?

Надо к чему-нибудь придумать. А к чему? Л. Высоцкий, как говорится, — человек вполне проверенный. Бывший партизан. Хороший, честный журналист.

Когда Высоцкий сообщает в газету о положительных явлениях в районе, — это чудесно, это — пожалуйста. Но критиковать?

Руденко едет в Могилёв. Приходит в обком партии к тов. Новиковой. А тов. Новикова не желает портить отношения с руководящими районными работниками.

И тов. Новикова, не долго думая (вернее, совсем не думая), звонит редактору областной газеты тов. Астапенко.

Астапенко говорит, держа руки по швам: «Слушаюсь!» — он не хочет портить отношений с начальством.

Что ему сказала тов. Новикова, — знать не знаем. Известно лишь, что после этого разговора редактор областной газеты Астапенко немедленно сел писать. Он пишет не взволнованную статью о зажиме самокритики. Он пишет бюрократический приказ:

«Освободить тов. Высоцкого от работы в редакции... по собственному желанию».

Проходит несколько дней. Об этом странном «собственном желании» ни за что ни про что опороченного журналиста узнаёт первый секретарь обкома партии тов. Филимонов.

Возмущённый тов. Филимонов приказывает:

— Немедленно восстановить Высоцкого на работе в редакции!

Редактор Астапенко в тот же час обнаружил, что у Высоцкого никогда не было собственного желания подвергаться расправе за критику. Он восстанавливает его на работе, но...

Но он действует по принципу: «чтоб и овцы были сыты и сено цело». Высоцкий возвращается в редакцию, зато должен покинуть Бельнички. Свет для него будет включён в другом городе...

Итак, идиаллия продолжается. Бельнички избавлены от беспокойного корреспондента.

Но избавлены ли тем самым Бельнички от тех ошибок и неполадок, о которых писал беспокойный корреспондент? «До того ль, голубчик, было в мятких муравах у нас?..»

Замечено, что многие товарищи, «обижённые» критикой (это относится не только к случаю в Бельничках), сосредотачивают все свои силы на самом авторе разоблачений, осторожно обходя те вопросы, которые этот автор поднял в печати. В судебной практике такой метод называется: «попытка с негодными средствами опорочить свидетеля...»

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

Галкинская врачебная амбулатория (Курганская область) выдала такую справку, скреплённую печатью райздравотдела и подписью зав. райздравом тов. Грачёвой.

Справка

Дана Прокуратуре Галкинского района Курганской области в том, что она прошла медосвидетельствование при Галкинской амбулатории. По состоянию здоровья в постороннем уходе за собой не нуждается, может выполнять лёгкую работу.

Работники фабрики «Парижская коммуна» дали слово в 1947 году выпустить сверх плана 100 тысяч пар обуви.

Рис. Е. ЕВГАНА

Г. РЫКЛИН

Первые шаги

В ДАЛЕКОЙ ИНДИИ ЧУДЕС...

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

Я ЛЕЧУ в Индию. До Басры мы летели на английском сухопутном самолёте, затем пересели на «летающую лодку», а от Карачи — снова на сухопутном самолёте. Английские лётчики были весьма предупредительны. Всё было к нашим услугам. В воздухе. И даже на воде.

Но на земле это выглядело по-иному. В Карачи лодка подрулила к берегу. Мы на индийской земле. В глубине залива белеет домик. Английский офицер приглашает нас туда.

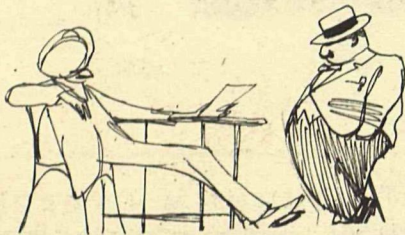
— Пройдите сначала к врачу, — сказал он.

Врач пощупал мой пульс.

— Вери гуд! — процедил он.

— Теперь пройдите в пограничный пункт, — предложил офицер.

В просторной комнате за столом сидел индусский чиновник в белом европейском костюме, а в углу незаметно примостился офицер, погружённый в чтение. Изредка он поглядывал в нашу сторону. Первым подошёл к столу летевший с нами из Тегерана иранский купец.

— Откуда? — спросил чиновник.

— Из Ирана.

— Куда?

— В Индию.

— Зачем?

— Торговать.

Чиновник поставил визу и предупредительно сказал:

— Пожалуйста!

Следующим был я. Чиновник взял мой паспорт и спросил:

— Откуда?

— Из СССР.

— Куда?

— В Индию.

— Зачем?

— Спасать хлеб и рис от саранчи.

— На сколько времени?

— Пока не закончу работу.

— А-а!

Он искоса посмотрел на офицера и сказал мне:

— Присядьте!

— Откуда? — спросил чиновник нашего лётчика.

— Из СССР.

— И вы присядьте. Следующий! Откуда?

Когда на столе у чиновника накопилась стопка советских паспортов, а в комнате не хватало стульев для посетителей, он снова начал опрос с меня:

— Вы женаты? Где семья? В самой Москве? Дети есть? Сколько лет каждому? Вы верующий? Коммунист? Нет? Это удивительно, ведь в вашей стране все обязаны быть коммунистами. Где вы намерены в Карачи остановиться?

— Послушайте, — не выдержал я, — мы приехали не по своей воле, а по просьбе английского правительства спасать ваш урожай, а вы...

— Такова форма, — перебил чиновник и лукаво моргнув глазом в сторону офицера.

— Ну, если такова форма, — вмешался лётчик, — так пишете: я холост, беспартийный, в детстве пас коров, сейчас капи-

тан, окончил академию, владею пятью языками, сбил двенадцать немецких самолётов, награждён пятью советскими орденами и одним английским. Кончайте, пожалуйста, эту канитель. Пока вы будете нас расспрашивать, саранча весь хлеб сожрёт.

Офицер опустил голову. Чиновник понял условный знак и в течение пяти минут поставил визы на все советские паспорта.

Из Москвы я так поспешно улетел, что позабыл свои часы в министерстве на столе. Решил купить какие-нибудь. Мы вошли в магазин. Хозяин-индус протянул три пары ручных часов, но предусмотрительно держал их за ремешки.

— На покупайте, — сказал мне один из моих спутников, — это недоверие оскорбительно.

Индус прислушался и спросил:

— Разве вы не из армии Андерса?

— Что?! — вскричал мой спутник. — Мы русские, понимаете, русские!

— Раши?! — обрадованно удивился продавец; он поспешно вытаскивал огромный ящик и стал разбрасывать по прилавку часы всевозможных размеров, форм и фирм.

В Индии мы надели лёгкие костюмы, пробковые шляпы и шерстяные гетры, спасающие от жары. Лётчики же наши не захотели менять форму. Одетые в добротные кителя с погонами, на которых голубели просветы и искрились звёзды, в фуражках, расшитых золотом, и в блестящих сапогах они вызвали всеобщий восторг. Индусские девушки пытливо смотрели им вслед и вздыхали: «Раши дженерал!»

Впрочем, бегали не только за лётчиками. За мною тоже бегали. Не девушки, но всё-таки бегали. Стоило выйти из отеля, как ко мне подлетал чистильщик сапог, всегда один и тот же, мужчина лет сорока. Эти преследования мне надоели, и однажды я ему сказал:

— Вот тебе две рупии и отстань.

Оглянувшись, чистильщик доверительно произнёс на ломаном русском языке:

— Дайте пять — и вы меня больше не увидите.

Чистильщик оказался честным агентом: он меня больше не тревожил.

Однажды мы направились в старый город осматривать базар. Нас обступила толпа нищих. Мы оказались в кольце. Тогда полисмен решил спасти нас, иностранцев, от «назойливых» нищих в этой сказочно богатой стране. Он поднял резиновую дубинку и стал размахивать ею справа налево и слева направо. Раздались крики. Мы оказались на свободе. Полисмен отпрыгнул нам и самодовольно произнёс:

— Джентльмены! Вы, очевидно, попали сюда по ошибке.

Захлопнув за нами дверцу машины, он назидательно сказал шоферу:

— Дурак! Ноги твоей чтобы здесь не было... Нашёл место прогулки для русских!

Машина, на которой мы уехали, принадлежала английскому командованию. Машины в Нью-Дели есть, но они из-за нехватки горючего приобрели необычный вид. Несётся, допустим, по главной улице рысак, впряжённый в... изящный лимузин. Там, где полагается быть мотору, приспособлен облучок и на нём сидит кучер. В лимузине леди и джентльмен. Остановятся у магазина, сделают покупки и снова усядутся в лимузин. Кучер закрывает дверцу, вскакивает на облучок и, рванув за вожжи, крикнет нечто среднее между «вье» и «но».

* * *

Перед вылетом из Карачи я посетил иракское консульство, чтобы получить транзитную визу. Меня сопровождали английский профессор и офицер. Консул оказался на даче. Сотрудник консульства предложил приехать днём. Но и днём не удалось повидать консула. После долгих настояний сотрудник посоветовал мне поехать в госпиталь и сделать прививку. Через час я снова был в консульстве. Тот же сотрудник посмотрел на свидетельство госпиталя и сказал:

— Но ведь главная прививка — это против чёрной оспы, а у вас такого свидетельства нет.

Вмешался профессор. Сотрудник был неумолим. Тогда слово взял офицер. Сотрудник быстро согласился и сказал:

— Так и быть. Виза стоит 10 динаров. Но так как сегодня воскресенье, то цена вдвойне. Учитывая, что свидетельства о прививке чёрной оспы у вас всё же нет, цена снова повышается вдвое.

Короче, это обошлось мне в солидную сумму. «Лодка» улетала на другой день, место было забронировано, и мне пришлось согласиться с бухгалтерским расчётом сотрудника консульства.

— А если в Басре у меня потребуют свидетельство? — спросил я перед уходом.

— Тогда вы начните шарить по карманам, сделайте растерянное лицо и скажите: «Очевидно, я забыл его в консульстве».

Офицер раньше всех понял этот остроумный ответ.

— Ол райт! — ответил он и поспешил на улицу; мы последовали за ним.

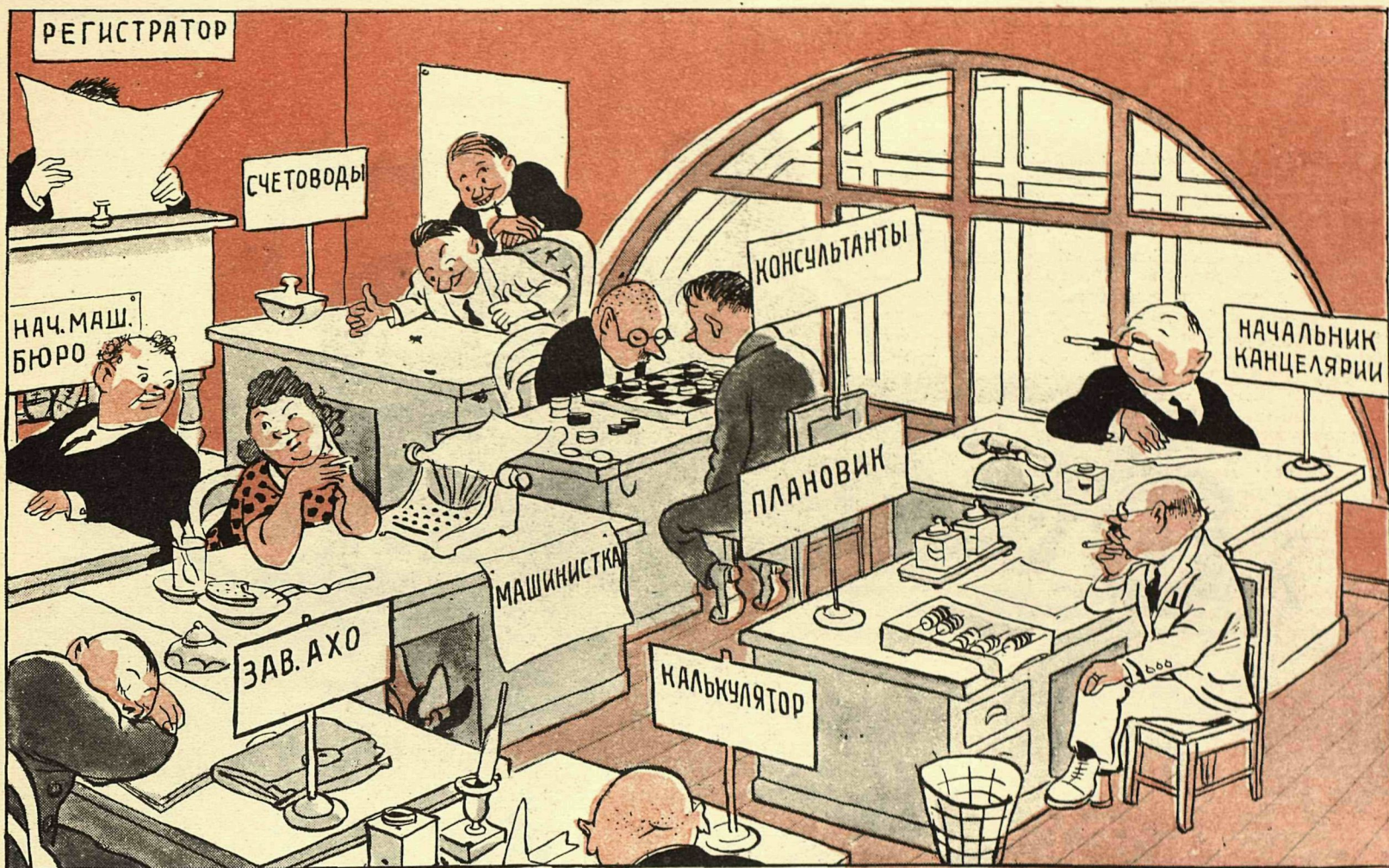
— Динар — сильное средство, действует почти как пенициллин, — сказал профессор, прощаясь со мной.

В Басре всё произошло так, как предполагал сотрудник консульства.

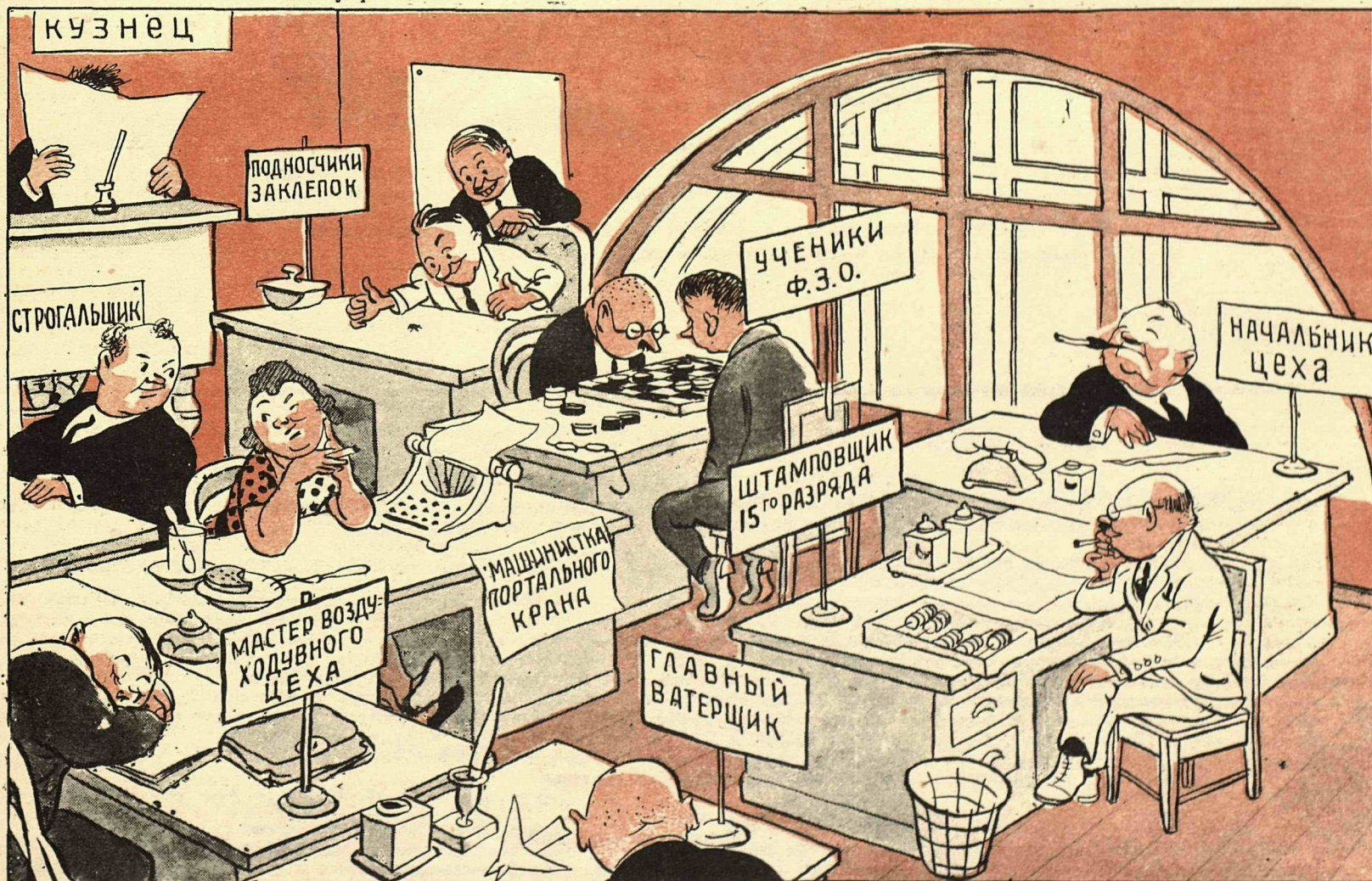
Иллюстрации Л. БРОДАТЫ

О РАЗДУВАЮЩИХ И НАДУВАЮЩИХ
(ИЗ ПРАКТИКИ ОДНОЙ КОНТОРЫ)

Рис. И. СЕМЕНОВА

Их упрекали в том, что они раздули свой управленческий аппарат...

Но кто им бросит этот упрек теперь?

— Напрасно говорят, что я забываю колхозный устав. Я о нём очень хорошо помню. Даже узелок на память завязал.

«ПАПАША»

(СЕМЕЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ПИСЬМАХ)

ПРОЖИВАЮЩАЯ в Одессе О. А. Фишбейн-Никонцева обратилась ко мне с просьбой разыскать её мужа. Вот выдержки из её письма:

«Муж мой, Фишбейн В. И., был мобилизован в 1941 году... Мне и двум ребятам не удалось скрыться от румыно-немецких тиранов. Мы подвергались пыткам, чудом удалось спастись. Семья ждала отца и дорогого мужа. С 1944 года велась переписка, он писал, как любящий отец и заботливый муж. Правда, ни копейки не присылал и тщательно скрывал свой адрес. Письма мои шли «до востребования». В июне 1946 года получила письмо от незнакомой мне женщины, по фамилии Бербея. С этого времени муж перестал писать. Раскрылась пошлая тайна. Стало понятно, что муж вёл переписку исключительно для того, чтобы скрыть свои следы и не посылать денег на воспитание детей... Проживал он в Добрянке, Молотовской области, в Молодове, в Свердловске».

ПИСЬМО «ЛЮБЯЩЕГО ОТЦА» СЫНУ

«Здравствуй, дорогой сыночек Витенька! Тебе пишет твой папа, которого ты видел только на фотокарточке. Но скоро ты будешь видеть меня возле себя. Я привезу тебе хорошие подарки. Целую тебя крепко, крепко, твой папочка. Хотя это

письмо опоздало к твоим именинам, но это ничего: от папочки может и опоздать».

ПИСЬМО «ЛЮБЯЩЕГО ОТЦА» ДОЧЕРИ

«Здравствуй, дорогая доченька Аллочка! Я получил твоё письмо и очень рад, что ты сама уже пишешь и что ты уже в IV классе. Как будто это совсем недавно было, что ты лежала в своей кроватке, а сейчас уже выросла и уже в IV классе! Я скоро приеду и уже никогда вас не оставлю. Желаю тебе хорошей жизни, или, вернее, хорошего, счастливого детства... Вам, знаю, тяжело живётся, но вот скоро я приеду, и вам будет легче. Привезу хорошие подарки, а пока оставайся здоровой. Целую тебя крепко. Твой папа».

ПИСЬМО «ЗАБОТЛИВОГО МУЖА» ЖЕНЕ

«21 мая 1946 года. Г. Свердловск.

Здравствуй, дорогая жена Муська! Как я был рад, когда получил фотокарточку моего дорогого сына! Дорогая Мусенька, ты не знаешь, сколько у меня в этот день было радости. Я от радости показывал карточку всем друзьям и товарищам: какой

У мен
Я нос
годы
дочь
своей
Ты, М
2-3
ведь

«
Н
Влади
писку
вы ег
не хо
когда
Ра
речь
Людя
нелз
и гря

- Мы на службе так поздно засиделись, что я заснул в присутствии самого Ивана Ивановича.
- Какая неприятность! Что он подумал?
- К счастью, я проснулся первым!

...я хороший сын! Мусенька, я не только ценю тебя за сына, а и любить тебя на руках буду, ты заслужила это. В такие тяжёлые ты вырастила здорового, красивого сына! Это наша гордость. В этот же день я купил хорошие рамочки и повесил над постелью — тебя посередине, а две его карточки по бокам. Мусенька, не огорчайся, что тебе придётся ждать меня ещё месяца. Это время быстро пролетит, потерпи немного, ты больше терпела... Целую всех вас крепко. Ваш отец и муж».

ПИСЬМО НЕЗНАКОМКИ БЕРБЕЯ

Свердловск. Июнь 1946 года.

Напрасны ваши ожидания. Владимир к вам не приедет. Владимир уже мой. Я уже полтора года, как знаю вашу перекладку, сама в ней участвовала. И вы его не разыскивайте, ибо вы его не найдёте, а если найдёте, то всё равно напрасно. Он не может знать ни вас, ни детей ваших. Он смеялся над вами, писал письма... Бербея».

...изыскать Фишбейна я не могу. Но хотелось бы предостеречь учреждения и общественные организации от этой шарочки. И, вроде этого «любящего мужа» и «заботливого отца», я ни в чём верить. Они с собой носят нравственную порчу, которая зная всё, к чему прикасаются.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

У него тоже был соавтор: он писал с грехом пополам.

Хорошо помнил своих прежних друзей и при встрече безошибочно не узнавал их.

Неудачливый беллетрист в отчаянии схватился за заголовок.

Плоха та кинозвезда, которая меркнет при свете юпитера.

Рассказ был так короток, что едва прикрывал бездарность автора.

Знал, что душа — предрассудок, а всё-таки она у него болела.

Его песня была спета, — он перепевал чужие.

Часы на цепочке, а время всё ж убегает.

Морская качка была изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на картину тошнило.

Бывает и так: немой фильм говорит за себя, а говорящий — ничего не говорит ни уму, ни сердцу.

Лицо у неё было очень подходящее для выступлений по радио.

Хорошие фильмы нам дороги, но и плохие подчас дороговаты.

М. ЯКОВЛЕВ

БАСТА! — сказал Аркадий Семёнович жене. — Буду учиться! Теперь все учатся... Со старым багажом далеко не уедешь! — С чего это ты вдруг?

— Нужно! Давно чувствую, что отстал... Ведь что получается? Мальдёт, скажем, разговор о философии... Какой-нибудь юнец, мальчишка, вроде моего зама Кулагина, сразу начинает эрудита из себя корчить! Об одних только греках целую тебе лекцию отгрохает... Аристотеля процитирует, насчёт софистов пройдёт, Гераклит, Ксенофонт, Эпикур... И так, бродяга, уверенно о них высказывается, будто всю жизнь с древними мыслителями в одной коммунальной квартире прожил!

— Ну, а ты?

— Что я! Молчу. Слово боюсь вставить! Брякнешь что-нибудь не так, ещё авторитет потеряешь. Ведь из всей античной философии только и помню, что Сократ был лысым!

Решение Аркадия Семёновича поступить в вечерний институт производит ошеломляющее впечатление на маленькую Наташу. Девочка широко открывает глаза. Вот так новость! Папа, большой и умный, весёлый и сильный папа, вдруг пойдёт в школу!

— А ты что будешь учить? — удивлённо спрашивает Наташа.

— Ну... как тебе объяснить... общественные науки.

— И за партой будешь сидеть? И к доске тебя вызовут?

— Сяду, дочка! И к доске пойдём, если потребуют.

Наташа ещё шире раскрывает ясные голубые глаза и задумывается. Ночью ей снится папина школа с огромными партами и чудовищных размеров классной доской. Папа вместе с их соседом Фёдором Ивановичем играют на большой перемене в пятнашки. Потом начинается урок. Бородатый Фёдор Иванович бауется, шумит — и его ставят в угол... Утром Наташа никак не может понять: на самом ли деле папа поступил в школу или ей это только приснилось?

Но, оказывается, это не сон. Папа не приходит к обеду: сегодня он учится.

Аркадий Семёнович очень доволен первыми лекциями. Историю и курс философии читают известные профессора. Среди слушателей много знакомых. Отличные аудитории, большая библиотека. Дело поставлено солидно. Да, в этом институте можно основательно подковаться!

— Дай мне только срок, — весело говорит Аркадий Семёнович, — и я покажу нашему мыслителю Кулагину, что значит глубоко разбираться в вопросах философии. Ох, сдаётся мне, что от всех его концепций несёт вульгаризаторским духом!

Проходит месяц... Аркадий Семёнович попрежнему полон энтузиазма.

— Расту! — пылко восклицает Аркадий Семёнович. — Поднимаюсь, как на дрожжах! Великое дело — учёба!

Больше всех в успехи Аркадия Семёновича верит маленькая Наташа. Она лишь немного удивлена тем, что папа никогда не готовит уроков. Почему?

— Уроки? — снисходительно улыбается Аркадий Семёнович. — Когда таблицу умножения буду учить? Нам не задают уроков, Наташенька...

Аркадий Семёнович немного кривит душой. Уроков действительно не задают. Но вот список литературы, которую надо прочесть, лежит у него в кармане. К работе же с первоисточниками у Аркадия Семёновича особое отношение.

— Ты посуди сама, — говорит он жене, — разве я школяр, чтобы корпеть над учебниками! С детства ненавижу зубрёжку! Хватит с меня и конспекта.

Однако с конспектами у Аркадия Семёновича дело не ладится. В сделанных записях ничего невозможно понять. Н-да,

трудновато без секретаря и стенографистки! Гораздо приятнее, когда тебе подносят уже готовую, ловко составленную и красиво отпечатанную бумагу только на подпись. Проглядишь документ, взмахнёшь карандашом, поставишь завитушку — и всё! А тут поспевай за лектором. Да разве за ним угоишься?!

«Впрочем, эка важность — конспект! — думает Аркадий Семёнович. — Перед зачётами возьму конспект у Замочкина или у Васюкова».

Учебные будни несколько охлаждают Аркадия Семёновича. Он уже не так восторжен и рассказывает жене о лекциях без прежней приподнятости.

— Что было? Да так... То, сё... Ничего особенного!

Занятия в институте проводятся по четвергам. Наташа знает, что в этот день папа возвращается поздно. Но вот в один из четвергов Аркадий Семёнович приезжает домой к обеду.

— Вас распустили? Да? — спрашивает Наташа и, не дождавшись ответа, хлопает в ладоши: — У папы ка-ни-ку-лы!.. У папки ка-ни-ку-лы!

— Какие там каникулы, дочка! — немного смущается Аркадий Семёнович. — Просто я сегодня... того... неважно себя чувствую... Дома позанимаюсь.

Но дома папа не занимается, а затем пропускает в этом месяце ещё две лекции.

Накануне зачётов Аркадий Семёнович обкладывает себя конспектами, взятыми у Васюкова, книгами по философии и русской истории и садится за них на всю ночь.

Н-да! — говорит он. — Горьковат у науки корень!

Читает Аркадий Семёнович прилежно, упорно, до боли в висках. К утру всё прочитанное смешивается у него в голове в одну беспорядочную кучу. Средневековый схоласт Фома Аквинский выступает на новгородском вече. Воины князя Святослава Игоревича разгуливают под портиками Афин. Седой Демокрит спорит о природе вещей с Владимиром Красное Солнышко... Аркадий Семёнович устало машет рукой и, не раздеваясь, ложится на диван, чтобы вздремнуть хотя бы часик — другой.

Когда папа уезжает на службу, Наташа ещё в постели. Вечером отца нет. Девочка вспоминает, что у него экзамены. Но вот наконец папа вернулся.

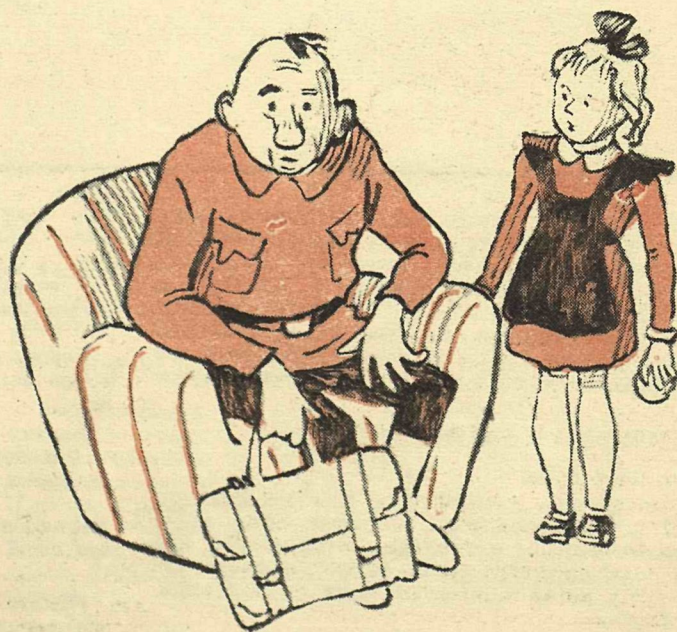
Аркадий Семёнович опускается в кресло и сидит мрачный, расстроенный, уставившись в одну точку...

Наташа смотрит на задумавшегося папу и видит по его лицу, что случилась беда. Надо папу утешить. Наташа тихонько подходит к отцу и молча сует ему что-то в руку.

Аркадий Семёнович переводит свой взгляд на ладонь и видит в ней мандарин, припрятанный Наташей. Аркадий Семёнович улыбается и быстро овладевает собой.

И весело говорит дочери:

— Да, Наташенька, нам с тобой понять надо, что со старым багажом далеко не уедешь...

ОТРЫЖКИ

(Пародия на некоторые псевдо-литературные рецензии)

Повесть Фёдора Степного
Под названием «Зреет жито» —
Вся от слова и до слова
Застарелый пережиток.
Эта книга тем порочна,
Что, начавши посевную,
В этой книге, как нарочно,
Люди любят и ревнуют!
Эта книга тем фальшива,
Что, закончив план посева,
В стороне от коллектива
В ней грустит молодая дева!
Много в книге мест опасных.
Так, отсталости в угоду,
В ней колхозники под праздник
Пьют горилку, а не воду!
Люди в ней ужасно грубы:
Вечерком, бродя по парку,
Там целует прямо в губы
Бригадир одну доярку!
Это — старые отрывки,
Дней минувших отголоски.
... Всё порочно в данной книжке:
И цена и способ верстки!

Сергей ШВЕЦОВ

ГЛУХОЙ И МУЗЫКА

Глухой пришёл в концерт. Сидит и смотрит
в оба

И слушает концерт, не слыша ничего.
Когда спросили мнения его,
— Певвица, — он сказал, — прекрасная особа,
Собою хороша, и платье к ней идёт,
Но объясните, в чём тут дело:
Зачем она глаза таращит обалдело
И так нелепо раздирает рот?

* * *

Я знаю критика; хоть он чудесно слышит,
Хоть он имеет и талант и пыл,
Но о стихах порою так же пишет,
Как тот глухой о музыке судил!

АРГО

Почти ода

О, член одной из редколлегий,
тебя пою,
Чтоб знали все твои коллеги
судьбу твою.
Давно ты сиднем сел в журнале,
который толст.
Хочу, чтоб все тебя узнали.
Где кисть и холст?
Иль схватит лучше карандаш их,
твои черты?
Давно на «наших» и «не наших»
нас делишь ты.
Поэт поёт на тройку с плюсом,
ещё он хил
А ты с ним носишься, как с флюсом:
— Гомер! Эсхил!
Мигнул ты критику, хвали, мол,
на пять страниц!
На что нам в небе журавли, мол?
Даёшь синиц!
И критик «свой» вознёс поэта
до неба аж.
Воспел ты критика за это
во весь тираж.
И, щебеча друг другу гимны
сверх всяких мер,
Явили миру вы взаимной
любви пример.
Рассказ приятель отчекрыжил —
бросает в дрожь.
Ты сам, читая, еле выжил,
но тиснул всё ж.
К другому был бы ты построже
по части виз,
Но «Дружба качества дороже»
был твой девиз.
Зато, касаясь репутаций
«чужих» фигур,
Ты был сторонник ампутаций
и ранних урн.
Теперь свидетель я улыбки
твоей кривой.
Признал ты наскоро ошибки
в передовой.
«Своих» там нежно пощипал ты,
подбив итог,
Зато на прочих наклепал ты,
как только мог!

А. РАСКИН

— Что ты сейчас читаешь, Вася?
— А зачем мне читать? Я сам пе-
читаюсь!

САНАТОРИЙ НАДОМУ

До сих пор считалось, что люди крепнут и здоровеют, отдыхая именно в самой здравнице. Опыт деятельности директора Хреновского тубсанатория Стадницкого доказывает, что можно с успехом устраивать санатории, не выходя из дому.

Так, заведующий Воронежским облздравотделом тов. Попов и его заместитель тов. Буров, находясь достаточно далеко от тубсанатория, заметно поправились и прекрасно выглядят. Это документально установленная заслуга Стадницкого, который на расстоянии лечит своих начальников изрядными порциями свинины, овощей и других продуктов. От тех же приятных и вкусных причин не по дням, а по часам крепнет и хорошеет директор областного курортного управления Никулочкин.

Новая форма оздоровительной работы применяется уже в массовом масштабе. С этой целью продукты, предназначенные для отдыхающих,

тоннами доставляются сотрудникам облздравотдела.

Таким образом, доказано, что можно пребывать в санатории, не выходя из дома.

ТЯЖЕЛАЯ БОЛЕЗНЬ

Как ни грустно, но приходится сообщить скорбную новость: прокурор Звенигородского района, Московской области, Поляков Георгий Васильевич болен. Об этом печальном факте мы узнали от самого Полякова. В своём заявлении в народный суд первого участка он мужественно сообщает:

«15 января 1947 г. назначено к слушанию дело по иску прокуратуры к Кудряшёву... Поддерживать иск я не в состоянии, нахожусь в отпуске по болезни...»

На этом месте у больного, видимо, начала сильно подниматься температура, появился озноб и из-под пера полилось следующее признание:

«С народным судьёй Стученковым нахожусь в крайне враждебных отношениях... поэтому прошу искомое заявление передать для рассмотрения в нарсуд 2-го участка. Как только выздоровлю, я договорюсь (!) с нарсудьёй 2 участка.»

Надо полагать, врачи помогут прокурору поскорей встать на ноги, и он договорится с народным судьёй 2-го участка. Если, конечно, не последуют осложнения со стороны областной прокуратуры.

НОВОЕ СРЕДСТВО

На долю Куйбышевского отделения Глав-аптекоуправления выпала честь открытия нового средства от кашля. Собственно, средство вовсе не от кашля, а скорей от другого. Прочтите эту этикетку и, как говорится, убедитесь:

Но аптечные деятели настаивают, что это и есть то самое лекарство, которое должно избавить от кашля. И, пожалуй, они правы. Потому что в такие этикетки по приходу Аптекоуправления действительно упакованы обыкновенные порошки, которые нужно глотать, а не слегка втирать, как рекомендуется.

И зачем их надо маскировать под жидкость от паразитов, одному только богу да куйбышевским аптекам известно!

БЕРУСЬ КОНСУЛЬТИРОВАТЬ

НЕ НАХОДИТЕ ли вы, что у нас очень любят консультироваться?

Причём самым странным в этом обычае представляется мне то, что для консультаций частенько приглашают весьма лёгковесных специалистов. Хотя платят, в скобках сказать, весьма увесистые суммы.

Случай, о котором будет рассказано ниже, помог мне разобраться в этом явлении.

Как-то утром мне позвонил по телефону приятель и сказал:

— Послушай: друг я тебе или не друг?

— Ну, допустим, — говорю, — друг. Но у меня сейчас всё равно нет ни копейки.

— Да нет, — говорит, — наоборот. Тут имеются люди, которые не знают, в какую сторону им бросить свои деньги. Так вот, если хочешь подобрать, то съезди к ним на будущей неделе.

— А почему, — спрашиваю, — ты сам не поедешь?

— Во-первых, я послезавтра уезжаю на юг. А во-вторых, опять-таки: друг я тебе или не друг?

— Ну, предположим, что друг, — отвечаю я осторожно. — А с чего это им вдруг вздумалось швыряться деньгами?

— Приспичило людям консультироваться.

— По какому вопросу? — спрашиваю.

— А какое это имеет отношение к делу?

— То есть как? А вдруг вопрос не по моей специальности?

— Не понимаю шутки, — говорит.

— Какая же тут шутка? Я тебе серьёзно заявляю.

— А-а! — говорит. — Поедешь со мной и посмотришь, как нужно производить эту операцию.

По дороге выяснилось, что мой приятель даже точно не помнит, по какому вопросу он едет консультироваться.

— Стройводпром — как будто бы проект, — сказал он. — Тебе что-нибудь говорит это название? Кажется, это — что-то водопроводное. Или относительно поливки улиц. В общем что-то, связанное с водой. Но это неважно. Я считаю так: раз ты инженер, то, следовательно, можешь кон-

сультировать по любому предмету, связанному с техникой. Но ты не волнуйся. Я тебя представляю как эксперта по некоторым специальным вопросам, и всё, что тебе придётся делать, — это поднимать и опускать брови. Поднимай брови, когда я буду задавать вопрос, и опускай, когда консультируемые будут отвечать.

...И вот мы уже сидим за большим письменным столом. Перед нами ворох чертежей и расчётов. А вокруг нас консультируемые.

— Весь проект плотины... — уныло начал один из консультируемых.

И мой приятель, почти не разжимая губ, шепнул мне:

— Вот видишь. Я говорил тебе, что тут что-то водное...

Когда сообщение о плотине было закончено, мой коллега ткнул пальцем в чертёж и сказал:

— Вот это место... не слабовато ли у вас это место?

При этом он взглянул на меня, и я немедленно поднял брови.

— Ну, что вы?! — хором воскликнули консультируемые и стали наперебой доказывать, что это место — едва ли не одно из самых прочных во всех сооружениях, воздвигнутых с тех пор, как Рамзес Второй сделал своему секретарю указание относительно постройки очередной пирамиды.

— Всё ясно, — внушительно произнёс мой приятель и вновь взглянул на меня. Я призадумался... и опустил брови.

Так мы проделали ещё два раза, после чего мой коллега спросил окружающих, нет ли у них к нему каких-либо вопросов.

Признаться, этот поступок мне показался опрометчивым. Но, как я убедился из дальнейшего, я ошибался.

— Это самая лёгкая часть консультации, — поделился со мной позднее приятель. — Тяжелее всего слушать их сообщения. Тут очень трудно удержаться, чтобы не заснуть. А когда говоришь сам, то невольно бодрствуешь.

— Не кажется ли вам, что... и так далее, — спросил один из консультируемых.

Терпеливо выслушав его, мой друг пожевал губами и тихо, но с достоинством произнёс:

— Нет. Мне этого не кажется.

— А не думаете ли вы, что... — начал другой.

И на этот раз мой приятель, не дав ему закончить, твёрдо заявил:

— Нет, нет, что вы! Ни в коем случае.

— А какие цифры вы рекомендовали бы для... — задал вопрос третий.

И должен сказать, что при этом я не без злорадного любопытства взглянул на своего друга: насколько я понимал, единственные цифры, которые могли быть у него тогда за душой, — это цифры гонорара. Однако мой находчивый друг даже не моргнул глазом.

— А какие цифры вы приняли в своём расчёте? — спросил он в свою очередь консультируемых, и когда они ответили, то слегка поморщился и сказал: — Я бы на вашем месте... Хотя?... Да нет, пожалуй, для этих условий можно оставить те цифры, которые были вами выбраны.

После того как консультация была закончена, приятель мой расписался в каких-то бумагах, а затем ему вручили конверт с приятно округлыми боками.

Вся процедура завершилась сердечными рукопожатиями, из чего я вывел заключение, что консультация прошла, как говорят дипломаты, в условиях наибольшего взаимного благоприятствования.

...По дороге домой мой приятель меланхолично заметил:

— В конце концов консультация — это самое обычное театральное представление, в котором публика — я имею в виду консультируемых — охотно платит деньги за то, чтобы делать вид, будто она верит тому, что ей показывают со сцены.

— Но ведь предполагается, что в театре зрители за свои деньги получают удовольствие, — заметил я, — а тут...

— А тут мы за казённые деньги снимаем с них чувство ответственности, — пояснил мне мой приятель. — Понятно?

— А-а-а, — сказал я и написал этот рассказ.

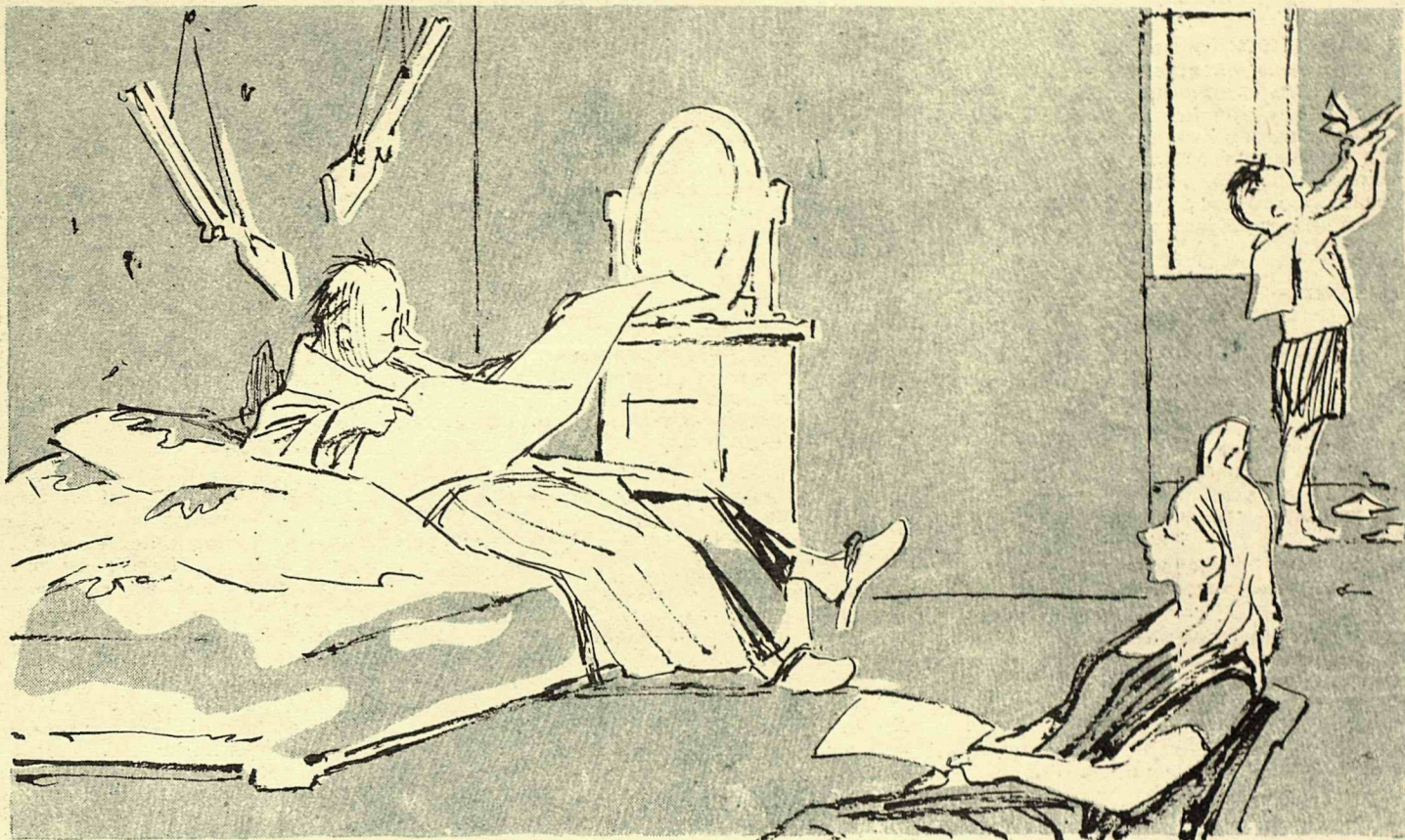
В ПОИСКАХ ДОХОДНОГО МЕСТА

Рис. В. ГОРЯЕВА

— Почему завскладом называет своего зама коллегой?

— А разве ты не знаешь, что они оба по специальности — агрономы!

— Марья Петровна просит тебя устроить её на работу.
 — А что она умеет делать?
 — Вареники и котлеты.
 — Ну, что ж, пускай приходит к нам в прест. Зачислим экономистом.

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В Елабуге назрела потребность в издании специальной инструкции о правилах поведения на случай встречи и разговора с представителями местной власти. К сожалению, такой инструкции пока нет, и её отсутствие мы остро почувствовали недавно, когда к нам в учительский институт неожиданно-негаданно нагрянул сам заместитель председателя исполкома тов. Трифонов.

Теперь, после того, как Трифонов ошастливил нас своим присутствием, можно смело приступать к составлению необходимой инструкции. Ценнейшие указания в этом направлении были даны тов. Трифоновым во время его по-

сещения учительского института:
 — Руки вынуть из кармана, когда с вами говорит представитель местной власти!

— Не смеять возражать, когда с вами говорит представитель местной власти!

Второй раздел инструкции — о том, как представителю местной власти следует разговаривать с трудящимися, составит, надо полагать, Совет министров Татарии.

Сулейман ИСХАНОВ,
 преподаватель учительского института.
 г. Елабуга, Татарской АССР.

Дорогой Крокодил!

Когда будешь печатать моё письмо, обрати внимание на корректуру: чтобы не было никаких искажений!

Это особенно важно потому, что я хочу рассказать тебе, как прокурор Исакогорского района в официальном ответе четырежды искажил фамилию обвиняемого в хулиганстве Карманова, называя его Кормановским, Кармановским, Кормановым и даже Таракановым. Фамилия прокурора — Пуляев. Не вздумай и ты исказить фамилию прокурора. Передаю по Буквам: Пётр, Ульяна, Леонид, Яков, Елена, Владимир — П-у-л-я-е-в. Все должны знать, как чётко работает прокурор Пуляев!

Е. ТРЕТЬЯКОВА,
 председатель обкома Союза рабочих совхозов
 Архангельск.

Уважаемый Крокодил!

Управляющий трестом «Эстонсланцестрой» тов. Секуторов решил восстановить и реконструировать один из трестовских жилых домов. Был составлен технический проект, и были, разумеется, на это израсходованы изрядные средства. Вслед за тем тов. Секуторов решил изменить проект, на

что потребовал дополнительно ещё девять с лишним тысяч рублей.

Таллинское отделение Промбанка запротестовало. Управляющему трестом пришлось отчитаться. Но так как при составлении ответа тов. Секуторов не находился в творческой форме, то незаконные расходы он мотивировал... сокращением штатов в тресте.

Смысла в этом ответе мало, но увековечить его всё же необходимо. Поэтому предлагаю переименовать известную поговорку следующим образом:

«В озоробе — бузина, а в Таллине — Секуторов».

А. ШТЕЙНГОФ, инженер
 Таллин.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

♦ В № 34 Крокодил напечатал фельетон «Наурская лезгинка» о нарушениях Устава сельскохозяйственной артели в станице Наурской, Грозненской области. Фельетон обсуждался на заседании бюро райкома ВКП(б). Факты, приведённые в фельетоне, подтвердились. Приступлено к глубокой документальной ревизии колхоза «Красный Наур». Виновники в расхищении колхозного добра привлекаются к ответственности.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИАНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-56, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 28 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 125.

Подл. к печати 28/II 1947 г.

Статформат 72x105 см. Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.

А-01418.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 542. Тираж 150.000 экз.

48
19/III

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

ВЕСНА: — Товарищ Таратайкин из обizo просил вам передать, чтобы встречали меня без его участия. Он говорит, что очень занят и сможет быть не раньше осени.